

А.Г.Шевченко

РОМАНТИЗМ ИЛИ РОМАНТИКА?

При знакомстве с литературой о Багрицком нельзя обойти вниманием то, что исследователи поэта постоянно используют для его характеристики такие термины, как «романтик», «романтический». Однако было бы серьезной ошибкой делать из этого вывод, что к его творчеству сложился единый, общепризнанный подход и теоретико-методологические основы исследования можно считать установленными и не нуждающимися в дальнейшей разработке. По нашему убеждению, дело обстоит как раз наоборот.

Прежде всего необходимо не упускать из виду, что оба приведенных термина могут быть производными от двух различных понятий – романтизм и романтика. При всех отличиях, которые существуют в их определении и на которых в дальнейшем предстоит остановиться детальнее, не подвергается сомнению, что романтизм – это творческий метод, а романтика – психологическое состояние, эмоциональная настроенность и т.п. Это, однако, не препятствует тому, что достаточно часто при использовании этих терминов допускается элементарная путаница, разница в их смысловом содержании предается забвению, они используются как синонимы, то, что по своей природе является романтикой, называется романтизмом.

Представляется бесспорным, что без внесения ясности, утверждения однозначности используемых нами слов любая попытка установить теоретико-методологические основы исследования творчества такого поэта, как Багрицкий, изначально обречена на неудачу. На наш взгляд, необходимо рассмотреть и уточнить природу данных понятий, сопоставить разные точки зрения, динамику их формирования и эволюции, ибо эти процессы оказывали непосредственное и существенное влияние на исследователей Багрицкого и те характеристики и трактовки, которые получало его творчество.

Начнем с более сложной составляющей обозначенной проблемы, вызывавшей бóльшую разногласию и столкновения противоположных точек зрения, – с уяснения содержания понятия «романтизм». Прежде всего следует рассмотреть концепцию, которая получила широкое распространение в советском литературоведении второй половины XX века, т.е. в период наиболее активного изучения творчества Багрицкого и, следовательно не могла не оказать на него, пусть в преломленной и сублимированной форме, весьма существенного влияния.

В указанный период было широко распространено представление о романтизме как о явлении, проходящем через всю историю мировой культуры, равно как и неразличение романтизма и романтики. Эту точку зрения на протяжении нескольких десятилетий минувшего века отстаивали Н.А.Гуляев и его многочисленные последователи, которых он воспитал, возглавляя кафедру русской литературы сначала в Казанском, а затем в Калининском университетах. В одной из своих статей он писал, что «романтизм не является бедным родственником богатого реализма. В течение ряда веков он идет рядом

с реалистическим искусством. Его функция не состоит в том, чтобы, подготовив реалистическое творчество, раствориться в нем и умереть. Он живет своей самостоятельной жизнью, ставя и решая эстетически такие вопросы, которые не в состоянии решить столь же успешно его реалистический союзник» [1, 41].

Для нас здесь самое важное – это «в течение ряда веков». Н.Гуляев и И.Карташова, являющаяся соавтором цитируемой статьи, отражая точку зрения значительного круга своих современников, в сущности начисто отрицают, что романтизм был конкретно-историческим явлением и имел определенные и установленные хронологические рамки. В подготовленном солидным авторским коллективом учебном пособии «Русский романтизм» [7] имеется раздел «Романтические искания молодого Горького», а в обширной главе «Романтические тенденции в литературе критического реализма» эти «тенденции» обнаруживаются в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского, Гаршина, Короленко, Чехова, Куприна, писателей-«знаньевцев».

Наиболее категорические формулировки по рассматриваемому вопросу мы найдем в учебнике Н.А.Гуляева «Теория литературы». «Романтизм, – пишет он обычно рассматривается как литературное направление, сложившееся в Европе в конце XVIII – начале XIX в. Но эту точку зрения справедливо отвергал еще Белинский. Великий критик находил черты романтизма в творчестве поэтов Древней Греции, в “Илиаде“ Гомера, в средневековой поэзии. Неувядаемость романтизма В.Г.Белинский объяснял тем, что его предмет – жизнь, главным образом, *духовные стремления человека*» [2, 223].

Романтизм в представлениях Белинского – это особый вопрос, которого мы здесь касаться не будем, а проследим за мыслью самого Н.А.Гуляева. Провозглашая точку зрения, признающую романтизм направлением, сложившимся в конце XVIII – начале XIX в., ошибочной, он всего лишь тремя годами в написанной им главе уже упоминавшегося пособия «Русский романтизм» признавал ее не только правильной, но и общепринятой: «Романтическое искусство возникло, как известно (!), в конце XVIII – первой четверти XIX века. Буржуазные революции в Европе, национально-освободительные войны, первые выступления рабочего класса и закрепощенного крестьянства за свое освобождение – таковы социально исторические предпосылки его формирования» [7, 8].

Но романтизм, по его мнению, продолжал существовать и в дальнейшем: «Яркая вспышка романтического искусства связана и с пролетарским освободительным движением, когда романтические мотивы очень сильно зазвучали в творчестве молодого Горького. В романтическом русле развивается поэзия А.Блока – наиболее крупного романтика XX века. «Романтический колорит» Н.А.Гуляев находит и в советской литературе. В частности он называет поэтов Пролеткульта и «Кузницы» В.Александровского, М.Герасимова и других, писавших, как мы знаем, одновременно с Багрицким.

Столь свободное обращение с хронологическими рамками, в которые укладывается период существования романтизма как литературного

направления и художественного метода, уже тогда, в семидесятые годы прошлого века вызывало решительное неприятие у ряда специалистов. Если, писала в частности Е.Н.Купреянова, «романтизм и реализм это не сменяющие один другого литературные направления, а “вечные“ и противоположные принципы художественного сознания <...> тогда возникает вопрос: обладает ли литературно-художественное развитие поступательным характером и если да, то в чем именно оно состоит и находит свое выражение? <...> Иначе говоря, если столь различные явления, как творчество Жуковского, Гоголя, раннего Горького, в равной мере относятся к романтизму, свидетельствуя о его бессмертии, то не значит ли это, что понятиями романтизма и реализма социально-историческая специфика литературных явлений никак не улавливается и что для этого требуется найти какие-то другие понятия» [5, 110].

Как следует из всего вышесказанного, вопрос о применимости терминов «романтик» и «романтический» к творчеству Багрицкого – это вопрос в первую очередь не историко-литературный, иными словами способный найти свое решение путем проникновения в исследование творческого своеобразия данного писателя, но в первую очередь теоретико-литературный, уходящий своими корнями в понимание того, что такое романтизм вообще, представляет ли он собой явление, укладывающееся в строгие хронологические рамки или некий тип мышления, который может быть усмотрен в литературе любого периода от «Илиады» до наших дней. Права ли Е.Н.Купреянова и многие другие разделяющие ее позицию литературоведы, считающие, что применение термина «романтизм» к таким разным явлениям, как творчество Жуковского и молодого Горького по существу ведет к тому, что сам термин «романтизм» утрачивает свою однозначность, а значит и определенный смысл?

Речь идет не только о некоторых произведениях молодого Горького и упоминаемых Н.А.Гуляевым поэтах Пролеткульта и «Кузницы», но и большом количестве писателей, характеристики которых буквально пронизаны упоминаниями об их «романтизме». Это и т.н. «комсомольская поэзия 20-х гг.». (Н.Тихонов, А.Безыменский, М.Светлов, М.Голодный), и «молодая советская проза» (К.Паустовский, И.Бабель, Ю.Олеша, Ю.Яновский, А.Довженко). Верно ли, что появление романтизма было порождением буржуазных революций в Европе или что его проявления можно видеть, с одной стороны, уже в «Буре» Шекспира, а с другой – в литературе, порожденной освободительным движением пролетариата?

Ответ Н.А. Гуляева и его единомышленников на эти вопросы однозначен. Они в принципе не связывают зарождение романтизма и творчество романтиков с какими-либо конкретными историческими предпосылками. Для них романтизм – явление вневременное, лежащее скорее в сфере этических представлений и устремлений: «Специфика романтического мировоззрения состоит в особой реакции на частнособственнический уклад жизни. Романтики восстали против господства материальных начал в обществе. Действительно прочной основой человеческого общежития, по их мнению, может служить

только духовная связь людей. Они борются за раскрепощение “духа“ и “природы“ от гнета всего “материального“, “исторического“, “социального“...» [2, 9].

Чтобы выйти на понимание того, что правомерно или ошибочно определялось исследователями Багрицкого как «романтизм» или «романтическое» в его творчестве, нельзя ограничиться только их работами. Необходимо подвергнуть вдумчивому анализу и характеристики других писателей XX века, особенно тех, кто были предшественниками и современниками нашего поэта и чьи произведения были иди могли возникнуть под влиянием сходных причин, обстоятельств, побуждений. Сделать это в полном объеме в рамках данной статьи, разумеется, невозможно, поэтому представляется целесообразным ограничиться кратким рассмотрением работ лишь об одном современнике Багрицкого, но о таком, о «романтизме» которого говорилось не меньше, а может быть, и больше, чем о «романтизме» Багрицкого. Это Александр Грин.

Упоминания о романтизме Грина пронизывают большинство посвященных ему работ. Притом это именно упоминания: принадлежность Грина к романтизму как литературному направлению или художественному методу, подобно тому, как это повелось в работах о Багрицком, никак не обосновывается, о ней говорится как о чем-то установленном и само собой разумеющемся.

Автор одной из наиболее авторитетных монографий, посвященных Грину, В.Е.Ковский даже ввел этот термин в само ее название – «Романтический мир Александра Грина». Вот несколько наугад взятых из нее цитат: «...Романтизм Грина породил и своеобразный романтизм критики <...> Именно в ней <...> таится секрет неумиряющего воздействия романтизма писателя <...> У Грина романтизм другого сорта <...> Первой заявкой Грина на подлинный романтизм стала новелла “Она“ <...> Метод Грина – не просто романтизм, но романтизм в его “чистом виде“, весьма редко встречающийся в русской литературе <...> Квалификация гриновского метода как романтического, естественно, влечет за собой необходимость его “причисления“ к одной из двух традиционно выделяющихся разновидностей романтизма <...> Творчество Грина вообще дает интересный материал для исследования исторических судеб романтизма...» и т.д., и т.п. [4, 11, 15, 38, 44, 266, 267, 270].

Так же, как большинство его единомышленников, В.Ковский откровенно ставит знак равенства между понятиями «романтизм» и «романтика»: «Гриновская романтика существовала не в безвоздушном пространстве – романтическим был весь тон советской литературы первого послереволюционного десятилетия <...> В самом широком смысле слова романтика характерна для всей советской эпохи, эпохи революционного преобразования мира, и потому в ней – как в новом качестве самой действительности – романтизм обретает особую опору и смысл <...> Слабые стороны гриновского романтизма словно бы отодвинуты эпохой на задний план,

а на авансцену выступили созвучные нам свойства его романтики» [4, 270, 287, 295]. Все эти высказывания характеризуют не индивидуальную позицию одного автора, а общепринятый подход к творческому методу Грина. Совершенно также пишут о «романтизме Грина» В.И.Хрулев, Н.А.Кобзев, М.Саидова и др.

Очевидно, что авторы процитированных работ исходят из того, что функционирование художественного метода не связано с определенной эпохой, а может проявляться в любое время. Наиболее прямо формулирует это В.Ковский, когда говорит: «Метод – понятие конкретно-историческое, существенно обновляющее свое содержание в каждую новую эпоху» [4, 289]. Надо понимать: метод обновляется, но в чем-то сущностном, определяющем остается самим собой: ведь имя свое он в каждую новую эпоху и при всех этих изменениях и «обновлениях» сохраняет.

Мы также полагаем, что метод – понятие конкретно историческое, но вкладываем в это совершенно другой смысл. Нам представляется несомненным существование стадийного характера истории литературы, в процессе развития которой последовательно возникают, приобретают господствующее влияние, а затем ослабевают и сходят на нет литературные направления и соответствующие им художественные методы. Романтизм не существовал извечно, а возник в определенную эпоху, под влиянием конкретно-исторических условий, пришел на смену классицизму, положенный ему срок находился на литературной авансцене, чтобы новых условиях ее покинуть и уступить место следующей фазе художественного развития – реализму.

Известное определение, что романтизм – «реакция на Французскую революцию и связанное с ней Просвещение» [6, 43], не было придумано Марксом, он лишь синтезировал и выразил в присущей ему афористической форме многочисленные высказывания самих романтиков. Главный и определяющий идейный стержень романтического мирозерцания – абсолютный, всеобъемлющий, «космический» пессимизм, глубокое, безысходное разочарование в идеалах просветителей, крах надежд на обещанное ими «царство разума» и неверие в будущее. Мировая скорбь – болезнь времени. Его герои – носители и проповедники мировой скорби: Чайльд Гарольд, Рене, Печорин.

Неприятие окружающей действительности порождает поиск разных путей бегства от нее: в самого себя, в глубины своего психологического мира, в прошлое, в вымышленный, фантастический мир. Отсюда – ведущие романтические жанры: элегия, преобладающая в романтической лирике, исторический роман, фантастическая повесть.

Другой определяющий признак этой литературы – романтический индивидуализм. Он явился своеобразной формой протеста против просветительского понимания общего блага, обернувшегося на деле пренебрежением к ценности жизни отдельного человека, который мог быть принесен в жертву иллюзорным идеалам разума. Противопоставление героя

обществу было сознательной и неосознанной формой протеста против нивелирования личности в условиях буржуазного общества.

Убеждение романтиков в банкротстве разума, на который возлагали свои надежды просветители, ведет к тому, что романтизм развивается как направление принципиально антирационалистическое, поэтизирующее чувства, страсти, всевластие стихийных сил. Средством познания истины становится не разум, а чувство. Не случайно на эпоху романтизма пришелся расцвет лирической поэзии. Именно в лирике мир воспринимается с точки зрения субъекта, объективный мир неизменно пропускается сквозь сознание субъекта. Романтическая лирика устремлена на раскрытие сложности и противоречивости эмоционального мира, и она достигла таких высот, что психологический анализ в стихах Жуковского усваивался позднее даже Достоевским.

Стихийный протест романтиков против окружающей действительности выразился и в культе прошлого, воссоздаваемого их произведениях в идеализированном виде, они усматривали в нем некую общественную гармонию, утраченную с наступлением будничности и деловитости воцарившихся капиталистических общественных отношений. В культе природы, утверждаемом романтиками, также была ярко выраженная социальная подоплека. Вместе с ней превозносилась идея свободы и проявления стихийных сил, этого необходимого и существенного элемента романтического мироощущения. Природа в поэзии романтиков всегда как бы «очеловечена». Ее картины призваны передать состояние и настроения человека, а поскольку в основе романтического мирозерцания лежал глубинный и всеобъемлющий пессимизм, то это налагало отпечаток и на романтическое изображение природы.

Излюбленным временем года была для романтиков осень. Осенняя природа скорбит вместе с героем, ее увядание символизирует тщету человеческих надежд, брэнность радостей бесплодность ожиданий. Весенняя природа, когда она находила себе место в романтической поэзии, выполняла противоположную функцию: она контрастировала с настроениями тоски и безысходности. По тем же причинам романтики тяготели к описанию вечерних и ночных пейзажей. Луна стала настолько избитым романтическим штампом, что не раз вызывала критику и даже насмешки современников. Любимым местом изображения романтиков было кладбище. Романтические пейзажи – это унылая гладь моря, поросшие мхом часовенки, гнущиеся на ветру деревья, вянущие, сохнувшие листья, развалины замка, по которым бродят привидения.

В вышеприведенной характеристике романтизма нет ничего нового: нами лишь коротко изложено то, что детальнее и аргументированнее можно найти в многочисленных работах историков романтической литературы. Родовые признаки, определяющие черты романтизма доказательно установлены, и если нас в самом деле интересует природа того или иного явления, то задача сводится к тому, чтобы выявить наличие или отсутствие в нем этих признаков. Если они есть, то перед нами романтизм, а если нет, то нет. Готовы согласиться,

что названный нами перечень признаков романтизма уязвим и может быть дополнен. Но каждый, кто согласится, что нельзя причислять писателя к романтикам или отлучать его от романтизма на основании субъективных ощущений, должен предложить свой набор признаков или качеств, в соответствии с которым следует отличать романтиков от неромантиков.

Итак, исходя из вышеизложенного, представляющего собой не более чем сокращенную выжимку из работ, ставших классикой науки, зададимся вопросами, можно ли усмотреть наличие этих качеств в стихах Багрицкого. Было ли ему присуще тотальное разочарование в идеалах предшествующей эпохи, всепоглощающий, «космический» пессимизм, воспевание «мировой скорби»? Похожи ли его герои на Чайльд Гарольда, Алеко, Ленского, Арбенина, Демона? Характерно ли для него противопоставление личности окружающему миру, поиски идеала за пределами реальной действительности, убеждение в банкротстве разума? Возвышал ли он в стихах звук над значением, музыкальность над смыслом? Напоминает ли его отношение к природе и изображение природы то, которое мы видели у романтиков? Склонен ли он поэтизировать осень и вечер как пору увядания? Эксплуатирует ли он излюбленную романтиками тему кладбища, которое символизировало в их глазах тщету всех помыслов и деяний человека? Было ли его понимание народности таким, каким его пропагандировали идеологи романтизма: Бестужев, Вяземский, Сомов, Полевой и другие? Достаточно лишь сформулировать эти вопросы, чтобы стали ясны однозначные ответы на них.

Но ведь от ответов на них и зависит, можно или нельзя причислять Багрицкого к романтизму как литературному направлению. Говоря, что такой-то поэт футурист или символист, мы тем самым вводим его в некое «множество», определяемое понятиями «футуризм», «символизм» и т.п. На принадлежность к чему мы стремимся указать, называя Багрицкого романтиком? Если это определение призвано указать не на природу творческого метода, а лишь на определенную эмоциональную настроенность, то это другой вопрос, к которому мы еще вернемся.

Но необходимо однозначно определиться с содержанием употребляемых нами терминов. Прав ли Ковский, который конкретно-исторический смысл термина «романтизм» видит в том, что романтизм в разные эпохи может принимать разные формы, но поскольку мы сохраняем за ним это наименование, в чем-то существенном и определяющем остается самим собой? Или права Купреянова, считающая, что если применять термин «романтизм» к таким разным явлениям, как стихи Жуковского и произведения молодого Горького (а также, добавим от себя, творчество Багрицкого), то само использование этого термина теряет всякий смысл.

На это можно возразить, что романтизм Багрицкого, Грина, Безыменского, Светлова, Луговского и др. – «другой», он и не может обладать теми признаками, которые характеризуют романтизм Жуковского, Рылеева. Но был ли он, этот «другой» романтизм? Множество историков литературы XX века

называли романтическими произведения десятков писателей. Но никто не удосужился выявить то общее, что делает всех этих писателей приверженцами одного творческого метода и одного литературного направления и очертить его границы с той мерой определенности, с какой это сделано в отношении романтизма конца XVIII – первой половины XIX века. А без этого обозначение любого из таких писателей как «романтиков» теряет какую-либо меру достоверности.

Современное понимание проблемы с полной определенностью сформулировано в авторитетном коллективном издании – двухтомной «Истории романтизма в русской литературе. 1790-1840», подготовленном Институтом мировой литературы АН СССР, в котором читаем: «Романтизм как направление, господствовавшее в литературе ряда стран Европы первой трети XIX в., был вытеснен реализмом и никакое усилие – даже самое энергичное – его защитников не смогло предотвратить этого результата литературно-общественного развития. И более романтизм в литературу не возвратился – именно как целостное, тем более господствующее направление, что признают практически все современные исследователи. Следовательно, он свой век отжил, выполнил задачу, возложенную на него историей, сыграл свою роль в литературном процессе как непосредственный предшественник реализма» [6, 9].

Хотя эти слова были написаны достаточно давно, время в полной мере подтвердило их истинность. Современные литературоведческие энциклопедии и другие авторитетные справочные издания видят в романтизме только течение, существовавшее в Европе и в России в первой половине XIX века и ни о каком «продолжении» его существования, а также «других романтизмах», которые якобы можно обнаружить в литературе XX века даже не упоминают. (См.: Літературознавча енциклопедія, т. 2, Київ: Академія, 2007. Первый толковый БЭС. Спб. 2006; Сучасний словник літератури і журналістики. Харків: Прапор, 2009).

Вместе с тем в них можно найти указания на то, что название этого направления имеет **омонимы**, обозначающие **другие явления**: «Таким образом, романтизм может быть осмыслен и как вневременная духовно-эстетическая ориентация, присущая произведениям разных эпох (романтика)». «Умонастроение, проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью» и т.п. Но, думается, подобные определения имеют большее отношение к психологии, чем к истории литературы.

Распространенное смешение содержания терминов «романтизм» и «романтика» побуждает привлечь внимание к работам исследовательницы, которая давно и целеустремленно изучает творчество писателей-«романтиков» и при этом решительно и, можно сказать, демонстративно отказалась от использования термина «романтизм», отдав предпочтение термину «романтика». Это И.М.Дубровина, автор книг «Романтика в художественном произведении» (М.: Высшая школа, 1976). «Романтика в искусстве» (М.: Искусство, 1967), «Проблема романтики и ее освещение в советском

литературоведении и критике» (М., 1977). К сожалению, Багрицкий в этих книгах практически не упоминается.

Возможно, это объясняется тем, что содержание самого термина «романтика» определяется словарями и справочными изданиями по-разному: «То, что содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека» (С.Н.Ожегов), «Умонастроение, характеризующееся преобладанием мечтательной созерцательности и чувства над рассудком, идеализацией действительности», «То, что создает эмоциональное, возвышенное отношение к ч.н.» (Д.Н.Ушаков), «мечтательно-возвышенное настроение», «характеристика ярких сторон жизни» (Словарь литературоведческих терминов) и т.п. Очевидно, что некоторые из подобных определений могут быть применены к Багрицкому с большой натяжкой, а другие вообще не отражают наиболее существенных особенностей его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы романтизма, вып. 2. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1975.
2. Гуляев Н.А. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1977.
3. История романтизма в русской литературе 1790-1940, Т. 1. М.: Наука, 1979.
4. Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина. М.: Наука, 1969.
5. Купреянова Е.Н. Что такое романтизм и что такое реализм?» (Русская литература, 1974, № 2, с. 109-120.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32, М.: Политиздат, 1964.
7. Русский романтизм М.: Высшая школа, 1975.

АНОТАЦІЯ

А.Г.Шевченко «Романтизм чи романтика»

Стаття аналізує спірні проблеми теорії та історії романтизму. Піддається критиці точка зору, згідно якої романтизм як художній метод продовжував існування в літературі ХХ століття і був визначальним для творчості таких письменників, як Багрицький, Грін та ін. Показано широко поширене плутання термінів «романтизм» і «романтика», хоча вони позначають зовсім різні явища.

Ключові слова: Е.Г.Багрицький, романтизм, романтика.

АННОТАЦИЯ

А.Г.Шевченко «Романтизм или романтика»

В статье анализируются спорные проблемы теории и истории романтизма. Подвергается критике точка зрения, согласно которой романтизм как художественный метод продолжал существование в литературе ХХ века и был определяющим для творчества таких писателей, как Багрицкий, Грин и др.

Показано получившее широкое распространение смешение терминов «романтизм» и «романтика», хотя они обозначают совершенно разные явления.

Ключевые слова: Э.Г.Багрицкий, романтизм, романтика.

SUMMARY

A.G.Shevchenko «Romanticism or romance»

In the article controversial questions of theory and history of romanticism are analyzed. The point of view, according to which romanticism as a literary method continued to exist in the literature of the XX-th century and used to be a distinctive one for creativity of such writers as Bagritsky, Green and others, is exposed to criticism. The widely adopted confusing of terms "romanticism" and "romance" is shown, though they designate absolutely different phenomena.

Key words: E.G.Bagritskij, romanticism, romance.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Фризманом Л.Г.